

В Таиланд впервые,
одна, дикарём

Terra Incognita

18+

Terra Incognita

В Таиланд впервые, одна, дикарём

<https://litres.ru/74314243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то мне было за двадцать, у меня был ник lucky на одном форуме для путешественников и аватарка с белым шагающим котиком. Я мечтала путешествовать, но долго не решалась, не имела возможности. А потом решилась и полетела в Таиланд. Всю дорогу я писала заметки, которые долго пролежали в папке компьютера. Это попытка вернуться в те дни, вспомнить, каково это: шагать с рюкзаком по тропическому раю — беззаботной, счастливой, не думающей ни о чём.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	49
Глава 13	52
Глава 14	55
Глава 15	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Terra Incognita

В Таиланд впервые, одна, дикарём

Глава 1

В Таиланд впервые, одна, дикарём

Когда-то мне было за двадцать, у меня был ник lisky на одном форуме для путешественников и аватарка с белым, шагающим котиком. Я мечтала путешествовать, но долго не решалась, не имела возможности. А потом решилась. Всю дорогу я писала заметки, которые долго пролежали в папке компьютера. Это попытка вернуться в те дни, вспомнить, каково это: шагать с рюкзаком по тропическому раю, беззаботной, счастливой, не думающей ни о чём.

История этого путешествия началась задолго до того, как я села в самолёт. Она началась с мечты, неутомимой, страстной - увидеть мир. Дух бродяжничества с детства не давал мне покоя. Я всегда испытывала благоговейный трепет перед дальними поездками, поездами, самолётами и завидовала, если кто-то из взрослых уезжал.

Я отчаянно завидовала птицам за то, что у них есть крылья, они могут видеть новые страны, тогда как я обязана

каждый день учить математику. Родители не разделяли моих восторгов, а порой даже пугались.

— Ты девочка, — твердила мама, — а предназначение женщины — дети и семейный очаг.

Мне часто казалось, что мой аист серьёзно сбился с курса. Не знаю, откуда берутся мечтатели. Возможно, эти дети слишком много времени проводят в одиночестве. Ведь дети вокруг взрослеют и бросают глупости, тогда как мечтатели скорее притворяются, примеряя социальные роли, словно костюмы в школьном спектакле.

Они часто не находят понимания, уходят в себя, как глубоководные крабы. Но перед сном, когда раскручивают глобус, не могут отделаться от мысли: а что если ткнуть пальцем в любую страну, зажмуриться и вдруг услышать шум машин, незнакомый язык, оказавшись где-нибудь на рыночной площади нового мира, на другом конце планеты. Прямо сейчас, в домашних тапочках и с чашкой чая.

Говорят, мысли имеют силу. Тогда мечта — в сто крат усиленная мысль. И если однажды она родилась в маленькой детской головке, захлопав от радости в ладоши, может ли она исчезнуть? Если из года в год в минуты отчаянной взрослой жизни она согревает, как костёр в морозную ночь.

И как бы мечтатель ни старался уйти в сторону, слушая советы доброжелателей, всё равно он однажды вернётся, когда не останется ничего, что могло бы его удержать.

Моя внутренняя жажда приключений не вязалась с той

офисной униформой, в которую я запаковала свои будни. Механическое исполнение изо дня в день рутинной работы. Роль офисного планктона давалась с трудом. Со временем я заметила, что перестала испытывать эмоции, и в офисе меня ничего не отличает от копировальной машинки.

Я подошла к опасному рубежу. В психологии он называется экзистенциальным кризисом. Это когда человек вдруг начинает тревожиться вопросами смысла бытия. Этот кризис подошёл ко мне вплотную и сдавил как орех в дверном проёме, тогда как я была не готова. Хотя кто бывает готов к кризису? Он всегда внезапен, это скачок, в какую бы то ни было сторону, когда от решения человека многое зависит, а может, не зависит ничего.

Я словно выпала из реальности, осознавая бессмысленность жизни. Глотала успокоительные и витамины. Всё также мечтала путешествовать, но сидела на месте и, казалось, не имела никакой возможности уехать.

Как-то подруга отдыхала по путёвке в Таиланде. Вернувшись, она всю ночь восторгалась этой страной. Её восхищало всё: красивейшая природа, улыбчивое население, море, вкусная кухня, экзотические фрукты, лысые монахи. К утру её рассказов я грезила наяву, и моя мечта приобрела географические очертания. Чем больше я читала о Таиланде, тем сильнее распалялась моя страсть. Интернет заверил, что это доступная, удобная и безопасная страна, вдобавок туда не нужна виза, по крайней мере, на месяц.

Я повесила на стену коллаж из фотографий экзотических островов и сохла, как влюблённые в романах. На работе я тут же получила остроумные сценарии: меня смоем цунами, укусит малярийный комар, или продадут в рабство.

Жизнь стояла как болотная тина. Я прилагала всё большие усилия, заставляя себя идти на работу, пока окончательно не расшаталась: стала болеть, простывать, брать больничные, как-то изворачиваться, отравляться, что угодно, только бы не ходить в офис. В результате долгих мучений, я уволилась.

Как только пропала необходимость вскакивать по будильнику, появилось много свободных минут, часов, дней, я завела как резаный койот. Если я с презрением смотрела на жизнь в социуме, как извечные крысиные бега, то вскоре почувствовала себя той же лабораторной крысой, у которой теперь нет ни лабиринта, ни сыра, которая бежит по голому полю, с горящими от ужаса глазами. Кризис мой усилился, и голова гудела от мыслей.

У меня были сбережения, моё душевное состояние ухудшалось, и в итоге решила уехать на эти деньги в Таиланд. Когда не знаешь, в какую сторону менять жизнь, самой естественной мыслью кажется бежать как можно дальше, на другой край Земли.

Сначала я собралась по путёвке. Но вскоре поняла, что кратковременная поездка только расковыряет мою страсть, а после кризис прихлопнет меня как муху. Засобиралась дика-

рём, но исключительно с попутчиками. Я почти не знаю английский, ни разу не выезжала за границу, тем более в Азию. Понятия не имею, какотреагирую на смену климата и незнакомую культуру.

Я перезнакомилась с разными людьми, искала общность бюджета, маршрута, о котором не имела ни малейшего понятия. Мне хотелось "упасть на хвост" бывалым путешественникам. Однако, чтобы наши философские взгляды совпадали. С таким подходом надежды мало. Бывалые путешественники не заинтересованы брать с собой балласт в виде новичка.

После долгих переговоров и ожиданий я довела себя до того, что перестала спать. Тогда я разразилась в истерику и разозлилась на мир. Мне надоело искать людей, надеяться, ждать, быть ведомой. Я объявила всем войну! Ах, вот вы как, - возмутилась я. Думаете, я трусиха? Я поеду одна, дикарём, без английского, с билетом в один конец! Надену старые зимние вещи и выкину их в мусорку! А там будь что будет!

Всю жизнь я была домашней и эту поездку выстрадала, отвоёвывая каждый сантиметр свободы. Меня отговаривали все. Ладно, когда путешествуют мужчины, пары, но ведь я женщина и одна! Я уверяла, что мне это необходимо! Я хочу восторгаться, как в детстве, радоваться жизни. Мне нужно, во что бы то ни было вернуть её краски.

Никто не верил, что я уеду. Психолог как-то назвал меня мышкой, передвигающейся перебежками от куста к ку-

сту. Родители закатывали глаза, так как давно привыкли, что голова моя забита бреднями. Но когда я появилась с рюкзаком на 55 литров, отец нахмурился, а маму пришлось отказывать.

Я кричала как с трибуны, что я свободная личность. Единственный раз за последние годы я чего-то хочу! Разве не видите вы, что моя жизнь несчастна? И если мне суждено умереть на чужбине, так тому и быть. В итоге шумных дебатов, отец молчал, мать держала нейтралитет.

Началась подготовка к одиночному путешествию. Когда меня спрашивали – как же ты не боишься ехать одна? – я не могла передать, как я боюсь! Днём я держалась, а ночью порой обливалась слезами, раскачиваясь на кровати, и перебирала в уме все беды, которые могут случиться. Я боялась настолько, что в какой-то момент устала бояться, как перед экзаменом, когда вдруг решаешься вытянуть билет.

Родители, вглядываясь в телевизор, рассказывали за обедом про очередной катаклизм. Мир опасен - кричали новости! Лучше надеть на голову строительную каску и накрыться одеялом! Но я знала, что наибольшую опасность представляю для себя сама.

На форумах и сайтах вольных путешественников я узнавала мир бэкпекеров, людей, которые ничего не боятся и с рюкзаками ездят по миру. Переписывалась с ребятами, Ильёй и Ириной, которые автостопом объехали Юго-Восточную Азию, а теперь на Пхукете работали гидами. Они по-

могали морально, советовали, что класть в рюкзак. Видя по скайпу их весёлые, загорелые лица, я словно возвращалась в детство, когда мир казался игровой площадкой, а жизнь — невероятным приключением.

К концу сборов разговаривать о чём-то кроме Таиланда я не могла. Мысленно я была уже там, осталось только переместить своё тело. Увидеть Таиланд и умереть, перефразировала я известную пословицу. Это было криком души.

У меня не было чёткого плана, кроме того, что сначала я прилечу в Бангкок, потом доберусь до Пхукета, а дальше, я надеюсь, план сложится сам собой. Подвывая от страха, я купила билеты на поезд до Москвы и на самолёт до Бангкока.

В день поездки мама собрала курицу, яйца, пирожки. Умыла слезами, перекрестила на все лады. Папа донёс рюкзак до автобуса, с перекошенным лицом, чтобы не заплакать. Провожают как в последний путь, — думала я. Мне не терпелось остаться одной. Наконец, дорога! Автобус, поезд, самолёт. Белые, проплывающие облака, ручка и белый лист.

Я не знала, что ждёт меня. Я зажмурилась перед прыжком в неизвестность. В то же время внутри меня что-то танцевало.словно ребёнок хлопал в ладоши, предвкушая приключения. Я удивлялась, что впервые за столько лет так сильно чего-то хочу!

Глава 2

Из зимней России в тропический Бангкок

Поезд в Москву, через Киев, медленный и старый. Шумный плацкартный вагон. Торгаши с клетчатыми баулами с утра до ночи сновали по коридору, предлагая купить всякую дребедень.

Лёжа на верхней полке, жую мамин пирожок, вспоминаю свою бестолковую жизнь. Я уже еду. В Таиланд! За окном февраль, Россия заснеженная, бескрайняя. Бессовестно голые деревья, местами поваленные ветром.

Москва встретила ранним утром, лютым морозом и колючим снегом в лицо. До вечера шатаюсь по городу, ночь просидела в аэропорту. Мой рейс Москва – Киев – Бангкок в четыре утра компанией «Аэросвит».

Наконец, объявили посадку. Поднимаясь по трапу, нервничаю до дрожи. Я плохо знаю английский, у меня мало денег, я заболею тропической болезнью и умру. Никто не окажет мне помощи, так как у меня даже нет медицинской страховки. Это безумие! Сердце бешено колотится, и подкашиваются ноги.

До Киева летели на жутком кукурузнике. Несколько часов томительного ожидания в Борисполе. Снова самолёт, рядом со мной – колоритный бородатый турок с тюрбаном на голове. Со всех сторон его большая, шумная семья. Всю дорогу

громко говорили, сосед обращивался к сородичам, эмоционально жестикулировал, кричал мне в ухо, и казалось, сейчас залезет на голову. К вечеру они притихли, видать, тоже устали.

А какие виды на землю! Города, словно узоры, выложенные золотым песком на чёрном бархате ночи! От волнения и усталости хочется плакать. Голова гудит, тело в изнеможении, но сознание бодрствует.

Парни, сыновья бородатого, всю дорогу подкладывали мне конфеты. Под конец, уже на посадке, запели. Пели хорошо, медленную, лирическую песню. Не знаю, в мою честь или в честь прилёта. Я устала. А когда приземлялись, ещё и оглохла. Так что концовку песни уже не слышала. С ушами случилось страшное. Казалось, взорвутся барабанные перепонки, я истеку кровью и умру, так и не увидев Таиланд.

Наконец, приземлились, добро пожаловать в Бангкок! Пассажиры радостно захлопали в ладоши. Кто-то уже переоделся в майки и шорты. В аэропорту их ожидают представители туроператоров. Меня никто не ждёт.

Из самолёта вышла, не чувствуя зада, ошалевшая, испуганная, оглохшая. На паспортном контроле ничего не слышу. Тайцы улыбаются, щёлкнули штамп в паспорт – Welcome to Thailand! Мой рюкзак уже наматывал круги на багажной ленте.

Аэропорт Суварнабхуми – огромный застеклённый железобетонный улей. Набрал охапку бесплатных карт, еду

вверх-вниз по эскалаторам. В санузле переоделась в летние вещи, зимние затолкала в пакеты. Вышла на улицу – жара! Время – половина шестого. Помню, автобусы! Надо идти налево. Пошла налево, нет автобусов. Достала распечатки с маршрутами, прочитала – спуститься на нижний этаж и налево.

Пока ходила, поменяла деньги и купила сим-карту. Дозволилась в Россию, заорала в трубку – я в Бангкоке! Напугала мать, у которой ночь. Про разницу в четыре часа я забыла.

Помчалась на нижний этаж, потом на улицу и налево. Стоят автобусы родненькие! Поймала тайца, трясущего его, спрашиваю: где купить билеты? Таец улыбается и кивает, не поняв меня ни разу. Вскоре к автобусной кассе подошли девочки-кассиры. Я купила билет.

Водителю сказала Khao San, тот вяло кивнул. Он был простывший, мазал нос чем-то ментоловым и сидел в шапке. Немудрено, в автобусе холодина, как в морозилке.

Еду, кручу головой, тайцы улыбаются, заведя в окне бестолковое лицо, не понимающее, где оно и что. За окном исполнилась мечта – пальмы с кокосами и ни слова по-русски.

Доехали до Khao San. Вышла. Рюкзак, пакеты. Куда идти-то? Налево или направо? Пошла направо. Кручу карту, непонятно, как тут всё расположено, улицы на домах не прописаны, только на редких указателях. Ищу адрес хостела, который посоветовал Илья. Подлетел таец: «Веа ю фром? Рассия?»

– Ага, – говорю. Он выдал: «Расия, Аршавин, футбол!» Спросила дорогу, показал – туда.

Рассвет обозначил новый день, город быстро оживает. Машины и мотобайки наводнили улицы. Трёхколёсные тук-туки ревут как звери, с визгом подрезая друг друга. Жара, тротуары не везде, тесновато. Шныряю между мотобайков, ищу ночлег, периодически пью ледяные напитки в палатках.

Сонные тайцы выкатывают тележки с едой, что-то жарят в больших чанах. Воздух насыщен запахами: еда, специи, цветы, благовония, вяленая рыба и канализация. Глазею по сторонам, иногда спохватившись, закрываю рот. Но челюсть неизменно падает, когда теряю над ней контроль.

Поняла, что хостел не найти, начала искать любой другой. От зимних вещей пришлось избавиться — сил тащить уже не было. Назад хода нет. Проходила мимо того же тайца, любителя футбола, он всё кричал: «Расия!», предлагая экскурсию.

Вообще, как только я останавливаюсь, разворачиваю карту, откуда ни возьмись, появляются эти мудрые перцы с советами. Говорят что-то, я киваю, ничего не понимаю. Все почему-то знают, что я из России.

Захожу во все хостелы подряд. Где-то жуткая комната, дверь не запирается, то розеток нет, регистрация в двенадцать – ждите. Петляла по улицам, взмокла, как лошадь. Наконец, нашла – тихий гестхаус Sitdhi Guest House на улочке Soi Rambuttri.

В комнате за 300 бат – кровать, вентилятор, розетка и всё. А больше ничего не надо. Удобства на этаже, раковины торчат в коридоре. По-семейному и тихо. Под окном цветы, деревья, птички поют.

Помчалась в душ, легла спать. Полежала пять минут – не спится. Надо идти. Вскочила. Пытаюсь дозвониться Илье на Пхукет, сим-карта странная, не работает. Вдруг чётко осознаю, что я одна, чёрт-те где, и никого, чтобы мне помочь. Истерика стремительно нарастает. Хожу по улицам, ищу русских. Молчат, как партизаны. Вернулась в хостел, снова легла спать.

Уже проваливаясь в сон, вдруг слышу родную речь в коридоре. Мужской голос что-то говорит и убегает. Кинулась в коридор – никого.

На ресепшене трясую тайку, кричу: «Where are Russians?» Разводит руками: нет никого. Ворчит, показывает список. Действительно, нет русских, я одна. В надежде брожу по коридору, кричу: – Кто-нибудь говорит по-русски? Из душа вышел парень в полотенце, улыбнулся, что-то сказал на непонятном языке.

Вернулась в комнату, рухнула на кровать, разревелась. Теперь мне действительно страшно. Снова на улицу, в интернет-кафе, написала Илье свой номер. Вскоре он позвонил, посмеялся, объяснил, как пополнить счёт на мобильном. Оказывается, все деньги съел мой первый звонок в Россию. Я снова позвонила домой, выпила из трубочки кокос.

Жизнь стала налаживаться.

Вечером на улице Khao San началось настоящее столпотворение: народу миллион, всех возможных национальностей и религий. Разноцветные витрины мигают огнями. Грохот музыки, палатки с дешёвой одеждой и сувенирами, уличная еда, экзотические фрукты, жареные кузнечики и тараканы. Женщины, обвешанные фенечками, без умолку трещат деревянными лягушками-трещотками. Кто-то показывает фокусы, кто-то бьёт в барабаны, пускает в чёрное небо светящиеся вертушки. Тайские зазывалы активно что-то впаривают, а из каждой кафешки доносится свой оглушительный мотив.

Атмосфера всеобщего пофигизма и раздолбайства! Я мигом влилась в это веселье, словно всю жизнь только и делала, что тусовалась по улицам Бангкока. Рассматривая палатки с едой, рискнула попробовать местную кухню. Ткнула пальцем в лапшу пад-тай. Таец кинул на сковороду мясо, всё загорелось до небес! Виртуозно подбрасывает, добавил лапшу, какие-то листики, палочки... Спыхватилась: «Little spicy!», но поздно. Уже изрядно поперчил. Улыбается, мол, всё окей, не паникуй. Дал тарелочку. Вкусно!

Тут же во рту запылал пожар, из глаз хлынули слёзы, загорелось в животе. Тушу это дело ледяной водой, тарелку в итоге предложила бродячему псу. Пёс всё съел и облизнулся.

После еды сделала массаж ног, измученных за день и намотанных. Воспарила! Хотелось, чтобы он длился вечно.

Забрела в косметический салон, попросила что-нибудь для лица. Дали прайс, куча процедур: по отдельности по пятьдесят бат, оптом – двести. Давайте оптом! Рухнула на кушетку. Лицо мазали разными мазями, приятными и не очень. От наслаждения чуть не уснула. Дули паром, водили присоской, чем-то жужжали. Тайка пыталась что-то выяснить в процессе, но, глядя на моё бестолковое лицо, поняла, что я ни фига не андестенд.

После салона красоты я носилась туда-сюда в непреходящем восторге. Эмоции били через край. Так как говорить по-русски было не с кем, полночи я писала заметки. Пальцы стучали, клавиатура дымилась. Впервые за многие годы я была абсолютно счастлива и спала без задних ног.

Глава 3

Осваиваюсь в Бангкоке под опекой Будды

Ночью на город обрушился ливень. Грохотало так, словно лили из брандспойта. Перед рассветом дождь закончился, и воцарилась прохладная тишина. Птицы под окном устроили концерт, соревнуясь за лучшую песню. Едва рассвело, я собиралась в город — завтракать.

В Таиланде говорят: когда тает не ест, он думает о том, где, когда и что будет есть. Каждое утро с восьми часов весь город превращается в одну сплошную столовую. На улицы выкатываются тележки с едой, шкворчат на огне чаны с рисом, лапшой, морепродуктами, барбекю, мясными шариками на палочках, жареными осьминогами, блинами и прочими вкусностями. От запахов слюнки текут, хочется съесть всё и сразу. Целыми днями уличные торговцы что-то жарят и парят, остальные — едят, и все вокруг смеются и выглядят счастливыми.

Если питаться в дешёвых забегаловках для местных, то даже после фразы «no spicy» еда всё равно будет острой, но уже терпимо. Вскоре я настолько привыкла к тайской кухне, что в туристических кафе мне становилось пресно. Остро-ту я тушила ледяной водой. В каждом заведении перед едой ставят стакан со льдом, а на столах всегда стоят графины с водой. Я пила её, и никаких проблем с желудком не было. В

Таиланде у меня вообще не было проблем. Никогда ещё я не чувствовала себя так спокойно и безопасно — словно Будда лично взял меня под опеку.

После завтрака я придумывала себе развлечения. В первый день из достопримечательностей посетила Королевский дворец. С картой направилась к нему пешком. По дороге пристали торговцы корма для голубей. Пихали настырно корм, я не беру, засовывают в сумку. Еле от них отбилась. А вот голуби отомстили - обгадили! Эй вы там наверху, спасибо!

Возле дворца на меня налетел водитель тук-тука. Опечаленный, говорит, дворец закрыт, чуть не плачет. Давай лучше я тебя покатаю. Я не пойму, чего надо. Он меня тянет под руку и в тук-тук усаживает. Кричит — сорок бат. Тут я поняла и зашагала прочь. Мчится следом, кричит — тридцать бат, потом двадцать. Я дошла до входа во дворец, всё работает! Тук-тукер улыбнулся, пожал плечами и исчез. Жульё тайское!

На входе меня завернули, мол, юбка коротковата. Пошла к тайцу, который берёт в залог деньги и даёт юбки. Надо дать двести бат. У меня пятьсот. Таец говорит: «Меняй или давай пятьсот». Думаю: вдруг заблужусь, не найду эту лавочку, не вернут деньги. Пытаюсь дать сто. Рассвирепел, показывает табличку: читай. Там на русском специально для таких, как я, написано, что деньги берутся в залог за вещи и в конце возвращают. И так обиженно, мол, мне оставляют и тысячи,

посмотри, а ты из-за пятихатки паникуешь. Я смутилась — о`кей! Оставила пятьсот бат, обмоталась в длинную юбку.

По дороге меня атаковали китайские туристы с фотоаппаратами. Я не поняла: сфотографировать вас? Оказалось, хотят сфотографироваться со мной. Ну ладно, давайте. Китайцы устроили фотосессию. Висли у меня на шее по одному и все разом. Утомили. Не раз в тот день была белой обезьянкой. Убегала, заведев китайцев.

С белой кожей, рыжими волосами, в длинной узкой салатовой юбке, я чувствовала себя растением, которое из чулана внезапно выставили на солнце. Позднее я чутка загорела, поэкспериментировала с тайской краской, покрылась пылью и вполне сливалась с путешествующей братией.

Храмы Королевского дворца сверкали золотистой краской и разноцветной мозаикой. Я бродила с картой, воображала себя заморской принцессой. Осмотрев дворец, отправилась к статуе лежащего Будды, который величественно покоился, подперев голову рукой, и сверкал просветлённым позитивом.

Здесь я познакомилась с русскими ребятами из Алма-Аты, которые насоветовали мне поехать в океанариум Siam Ocean World, подробно расписав маршрут. Добиралась на такси, потом на метро. Таксисту сказала: «Таксиметр», — чтобы он включил счётчик. Об этом необходимо напоминать, иначе сумма поездки неприятно удивит. В метро ехала сначала на подземном (MRT Subway), потом на наземном

(BTS Skytrain). Ориентировалась по указателям. Тайцы подсказывали, как разобраться с билетами. Кассиры меняют бумажные деньги на мелочь, которую необходимо бросать в терминал на стене. Главное — не выкидывать билет до последней станции: при выходе его проглотит турникет.

В океанариуме я потерялась во времени и пространстве. Всевозможные рыбы, гигантские крабы, кораллы, осьминоги, морские коньки, креветки и прочие обитатели морской и пресной воды мелькали в калейдоскопе красок. В зрелищном тоннеле из аквариумов над головой летали улыбающиеся скаты. Огромные акулы медленно рассекали воду, гипнотизируя хищным взглядом.

Восхитили медузы. В отдельном тёмном помещении аквариумы подсвечиваются разными цветами, и светящиеся медузы красиво и плавно порхают под спокойную музыку. Меня захватила вселенская гармония. Также я попробовала пилинг с рыбками. Смутилась, когда тайка принялась мыть мне ноги, а потом погрузила их в ванну. Мелкие рыбки мгновенно подплыли и принялись за дело — отщипывать от кожи омертвевшие кусочки. Щекотно!

В океанариуме я провела остаток дня и безумно устала. Выйдя в город, перекусила и поехала на метро в самый большой парк в Бангкоке — Lumpini Park. Там красиво, ухожено, тайцы устраивают пикники, расположившись на траве, кто-то ест, кто-то спит, а спортсмены бегают по живописным лужайкам. Я купила мороженое и уселась возле пруда. Непо-

далёку сидел здоровенный варан.

Солнце скрывалось за деревьями и ласкало мягким светом. Временами накатывало ощущение нереальности. В голове мелькали события, не верилось, что я в Бангкоке всего два дня. Вечером в парке тайцы включили музыку, занялись аэробикой. Впереди — диджей с микрофоном, кричит команды, девушки показывают упражнения, остальные повторяют.

Назад добиралась на метро и речном трамвае по волнам Чао Прайи. И в метро, и на пристани мне подсказывали остановку, номер лодки, и я не уставала восхищаться тем, как тайцы меня понимают — даже не английский, а мои вопросительные взгляды! Многие тайцы сами не знают английского, поэтому мы общались улыбками и жестами. С общением в Таиланде легче, чем я могла представить. При покупке чего бы то ни было достаточно указать пальцем на товар. Торговаться — при помощи калькулятора. При поиске жилья я говорила элементарные фразы: «I want to rent a room», «How much?». Это было легко. Легко улыбаться, так как ответные улыбки вспыхивают как лампочки. В этой стране я ощущала себя как в экзотическом детском саду, где безопасно, весело и вкусно кормят.

Глава 4

Зоопарк и заплыв на скрипучем катамаране среди варанов

На следующий день бреду по городу бесцельно. Наткнулась на рынок. Торгуют всякой ерундой. Какие-то камушки, стёклышки, бусинки, амулеты, монетки и порошки. Тайцы с умным видом всё это рассматривают, некоторые даже в лупу, и покупают. Я тоже рассматриваю, купила очередную еду.

Вышла к реке, народ рассаживается в кораблики, куда-то едет. Ко мне подлетела тайка с экскурсией, еле от неё отбилась. Открыла карту, увидела зоопарк «Дусит». Прыгнула в кораблик, доехала до нужной остановки. Дальше потащилась пешком.

Ноги натёрла. Мозоли кровавые, хожу как по лезвиям. Забрела в аптеку, говорю — дайте лейкопластырь, показываю кусок нашего, русского, который отодрала от мозоли. Мол, дайте вот такой же. Таец-фармацевт меня выслушал, куда-то приглашает. Машу головой, никуда не пойду. Дайте пластырь! Не поймёт. Наш российский пластырь идентифицировать не смог. Увидела у него на руке — заклеено, говорю: «Вот такой! Мне надо это!» Понял. Сидя на скамейке, обклеила ноги.

По дороге набрела на какой-то кемпинг. Огромная территория уставлена палатками. Тайцы там живут. Чего только нет. Кто-то стоит с мисками в очереди за едой. Кто-то пле-

тёт корзины, торгует, проповедует, кричит с трибуны. Другие слушают на подстилках, дети играют. Всё это сторожит полиция. Я забрела вглубь этой тусовки. Бледнолицых никого. Спросила дорогу к зоопарку у женщины. Она мне — а, Россия! По ворчливой интонации поняла: типа, вечно понаедут сюда, английского не знают, ходят, тупят.

Наконец, зоопарк. У входа моё внимание привлёк цирковой шатёр, где улыбчивые негры из Кении зазывали на шоу со слонами. Вокруг семенили тайские дети. Сначала негры прыгали на скакалке, через обручи, строились в замысловатые фигуры, кувыркались, один даже скакал на ягодицах. Потом начались слоны! Большой слон и два маленьких. Что творили! И на двух ногах, и танцевали под музыку, и в волейбол играли, правда, не попали ни разу. Я прослезилась. Потом повернулись к нам задом и (пардон) сходили по нужде, большой и малой. Понятно, почему по краям сцены лежат огромные какахи.

Зоопарк большой и красивый. Всё сделано под естественные джунгли. Навесные лестницы на сваях. По центру — пруд с фонтаном и разветвляющиеся каналы. Из-за каждого куста выглядывают чьи-то пучеглазые морды. Себя я тоже ощущала экспонатом: тайские дети улыбались, показывали пальцем — фаранг, так здесь называют иностранцев. Те, что младше, реагировали эмоционально — рот откроют, соплю пузырём.

Я посмотрела озорных обезьян, зубастых крокодилов, жи-

рафов, медведей, солидных бегемотов (один розовый), других животных и птиц. Множество разнокалиберных черепах. В пруду — вараны и прочая живность. Заглянула в террариум со змеями. Темно, холодно, змеи за стеклом. Вглядываешься, не видно, где она, и бах — морда повисла. Думаю, не зря здесь туалеты рядом.

Вышла к пруду, у пристани стоят лодки. Решила отдохнуть и прокатиться. На посадке тайцы всучили спасательный жилет. Оказалось, в ряд стоят маленькие катамараны, которые я по невнимательности приняла за длинные лодки. Я испугалась — как катамаран? Я же одна! Тайцы смеются: «Don't worry!» Уселась, катамаран накренился. Парни показали на рычаг справа: если нажать вперёд — поворот налево, назад — направо.

Округлив глаза, в волнении отчалила. Мой катамаран скрипуч как телега. Вокруг неспешно плавают тайские влюблённые парочки. И я, оглушая романтическую тишину, мчусь, перекошенная набок. Правая рука близко к воде. Страшно, что кто-нибудь оттуда её оттяпает. Несколько раз сердце замирало при приближении варана или рыбыны.

Лодочники с берега, видя моё оживлённое лицо, поняли: с управлением разобралась. Покружив возле фонтана, я усложнила задачу и закрипела по узким каналам. Здесь очутилась в царстве варанов. Они везде, куда ни повернись. Плывут, сидят на фильтрах, на берегу. Большие, метра два с хвостом, вид грозный, крокодилий. Голова моя завертелась

на 360 градусов. Один возник передо мной и замер. Я вытаращилась и замерла тоже. Тишина повисла смертельная. Замерли несколько человек на берегу с открытыми ртами и вилками с намотанной лапшой. Благо вараны ко мне были равнодушны. Они лениво отплывали в нескольких сантиметрах, что добавляло адреналина.

На обратном пути к реке — снова палаточный городок. Вечереет, кто-то ест, спит, дети играют. Душ не очень закрытый, оттуда я поймала пару удивлённых взглядов голых тайцев. Добрела до своей аптеки. Таец, меня завидев, уже приготовил пластырь. Подумает, я их ем, что ли?

Народ усталый едет с работы, учёбы, ждёт транспорт. Мелькают лысые монахи в оранжевых тряпках. Все что-то жуют: за столиками в кафе, в скверах, на скамейках, на тротуарах. Не в силах устоять перед запахами, я тоже постоянно что-то жую.

Глава 5

Полный расколбас в тайском Диснейленде

Тайцы настолько уравновешенны, неторопливы, что невольно их копируешь. В их языке есть «предохранитель» от всех конфликтов — фраза «май пен рай» — «так уж получилось», «всё не так плохо».

В тех ситуациях, когда мы начинаем волноваться, например, опаздывая на самолёт, тайцы стараются сохранить спокойствие. Какой смысл тревожиться? Самолёт всё равно уже не вернётся. Рядом с ними я мгновенно стала спокойной и безмятежной.

Их язык, мелодичный и звучный, можно слушать как музыку, но не воспринимать логически. Он состоит из 44 согласных и 32 (только основных!) гласных звуков. Из этого делаются слова, потом количество их умножается на пять тонов. В зависимости от них меняется значение слова. Если таец попытается повесить голос, это немедленно исказит смысл того, что он хотел сказать. Так что тайцы не кричат и не ругаются.

Зато они любят похохотать над другими и над собой. Часто я попадала в нелепые ситуации, когда долго не могла объясниться, вокруг меня собиралась стайка, и тайцы от души потешались. Их смех добрый, искренний и заразительный. Позднее я заключила, что тайская улыбка — это способ об-

щения, она несёт смысловую нагрузку. Примерно как у нас — скорчить гримасу, нахмурить брови.

Если быть внимательнее, можно заметить, что улыбки бывают разными. Есть сдержанные и вежливые для незнакомых. Есть натянутые, когда улыбаться не хочется, а надо. Девушки улыбаются, усиливая тем самым ощущение своей привлекательности. Иногда улыбки дразнящие, насмешливые, извиняющиеся. Также улыбка защищает от неприятностей: тайцы словно одеваются в улыбку, и она как щит не пропускает негативную энергию.

Ещё никогда в жизни я не улыбалась так много, часто, просыпаясь и засыпая. Радость моя не была короткой, она была растянутой во времени. Она словно подпитывалась, заряжалась как батарейка встречными улыбками. Какое это благо для народа, когда улыбаются все! Эти улыбки лечили меня, накладывая на душу целительный бальзам. Я вдруг совершенно забыла, как можно быть недовольной собой и жизнью.

На третий день я исполнила детскую мечту о Диснейленде, посетив парк развлечений Siam Amazing Park (бывший Dream World). Добиралась долго, на двух автобусах, с пересадкой на Victory Monument. Наконец, кондуктор скомандовала выходить, и передо мной вырос большой розовый мост с надписью Dream World. От моста к входу возит бесплатный автобус. В кассах меня отправили в офис для фарангов, где продали билет за 550 бат. Дали карту и приклеили на одежду

номерок.

На каруселях я каталась до умопомрачения, в перерывах уплетая фруктовое мороженое. Мне понравилось, как тайцы умеют веселиться. Всей гурьбой загружаются в вагончик, детки по центру, несутся на карусели — счастья полные штаны. Меня как почтенного фаранга сажали отдельно. Тайцы из соседних вагончиков машут, смеются, полный расколбас, не поймёшь, кто больше радуется — дети или родители.

А если видела русских с экскурсии — стоят вяло, сами не катаются, ждут детей, недовольные, мол, не на наши деньги карусели. Тайцы, если пришли, отдыхают по полной. И детки у них открытые, маленькие солнышки. Сколько ходила, не слышала ни одного крика на тайском или другом языке. Зато слышала раздражённые крики русских родителей в адрес детей, а те постоянно канючили и ныли. Есть нам чему поучиться!

Глава 6

Буддизм и домики для духов в Таиланде

Тайский менталитет пропитан буддизмом. Что я знаю о буддизме? Что 26 веков назад в Индии жил принц Сиддхартха Гаутама, родители которого окружали его роскошью и оберегали от контактов с внешним миром. К 29 годам он ощутил неестественность происходящего, вышел за пределы дворца и увидел нищету, болезни и смерть. Это опечалило его.

Принц сформулировал Благородные истины: все люди страдают, и у этих страданий есть причина, но от них можно избавиться. Он стал искать пути спасения и пришел к выводу, что корень людских несчастий — в нашем беспокойном уме. Всему виной вечная тяга к приятному и яростное нежелание сталкиваться с неприятным.

Гаутама учился у великих гуру, истязал свою плоть и едва не заморил себя голодом. Но ответов не было. Через шесть лет скитаний Сиддхартха уселся медитировать под деревом Бодхи и решил, что не встанет, пока не постигнет суть всего. На третий день ему открылась истина. Гаутама стал просветленным, или Буддой. Он понял, что главная причина человеческих бед кроется в наших привязанностях.

Суть буддизма в том, что все вещи непостоянны. Все предметы, люди и явления, которые нас окружают, рано или

поздно исчезнут. Изменить этот порядок не в наших силах. Попытка судорожно зацепиться за что-то и удержать это силой приносит лишь боль. Отсюда вывод — не привязываться ни к чему. Если что-то доставляет удовольствие — радоваться. Но когда тому, что радовало, приходит конец — спокойно отпускать.

В основе буддизма лежит понятие кармы: «Наши поступки сохраняются и возвращаются к нам». Последствия однозначны: поступаешь хорошо — будешь счастлив; поступаешь плохо — будешь страдать. И всё, что с нами происходит, — результат наших собственных действий. Поэтому жаловаться в буддизме некому: в этой религии нет бога, которому можно молиться. Будда был Учителем, обычным человеком, а не божеством. Он сам нашёл путь избавления от страданий, прошёл по нему и указал направление другим.

Следуя буддизму, тайцы стараются довольствоваться малым. Они не ропщут и не обижаются на жизнь, а, напротив, стремятся жить радостно, беззаботно и благожелательно. Также тайцы почитают духов, которых просят о защите и покровительстве. Это древние добуддийские традиции, которые намертво переплелись с буддизмом. Рядом с каждым зданием в Таиланде установлены маленькие, изящные домики для духов.

В тайской мифологии есть легенда о том, что после прихода в мир Будды духи-покровители земель почувствовали его мощную энергетику и признали превосходство Учителя, но

попросили разрешить им остаться на земле. Будда проявил сострадание. Более того, он наказал людям: перед тем как осваивать земли и что-то строить, обязательно поклоняться духам-покровителям и делать им подношения. Получилась такая религиозная солянка: из-за лояльности буддизма языческие верования прекрасно с ним ужились.

Собственный домик духов есть у каждого жилого дома, офиса или гостиницы в Таиланде. Требований к установке всего два: во-первых, строго впереди здания; во-вторых, тень от основного строения ни в коем случае не должна падать на домик духов.

Тайцы искренне заботятся о невидимых сожителях. По утрам перед домиками выставляют воду, сладкие напитки, кусочки фруктов, булочки, свежие цветы и зажигают благовония. Часто ставят именно красную «Фанту» — считается, что духи обожают красный цвет. Домики убирают дважды в день, полностью обновляя еду и напитки. Это ритуал, который дарит тайцам спокойствие и уверенность в повседневных делах. Не знаю, как духи, а вот крысы в таких домиках промышляют частенько.

Глава 7

Санук, сабай и светящийся муравейник

Вся житейская философия тайцев укладывается в два слова: «санук» и «сабай». Санук — это удовольствие для души, сабай — для тела. Если работа не приносит санук, её нужно превратить в санук или найти другую. Одними деньгами тайцев работать не заставишь.

Бывает санук без сабая и наоборот. Например, если сидишь в кинотеатре и фильм интересный — это санук. Но если при этом хочется кушать, тогда получается «май сабай» (не сабай). В один из вечеров я получила и санук, и сабай, посетив Baiyoke Sky — легендарный небоскрёб, который долгое время оставался самым высоким в Таиланде: 85 этажей, высотой 328 метров вместе с антенной.

Вход стоил 220 бат. Пока поднималась на лифте, уши заложило, как в самолёте. На одном из последних этажей находится открытая вращающаяся площадка, на которой можно стоять до посинения, наблюдая за городом с высоты птичьего полёта. Внизу виднелись игрушечные домики, словно собранные из «Лего», и паутинки дорог с бесконечно бегущими машинками.

Я взяла в баре бесплатный коктейль и уселась возле окна дожидаться темноты. Ко мне подсел немец. Он обрадовался, услышав русскую речь, так как когда-то учил язык. Мужчина

успел побывать в Паттайе и поведал, что там много русских, которые постоянно «дринк» — причём круглосуточно.

Мы дождались заката. Темнеет в Азии махом: вот огненный шар ещё висит над горизонтом, а через несколько мгновений его словно кто-то проглатывает. Ночь захватила город. Бангкок загорелся разноцветными огнями витрин и фарами машин, превратившись в огромный светящийся муравейник.

Немец, как и я, остановился в районе Каосан, по дороге мы разговаривали о тайских традициях. Оказывается, в Таиланде верят, что при рождении ребёнка в его голове поселяется дух-хранитель Кхван, оберегающий человека и его здоровье. Из-за этого голова считается самой священной частью тела. Нельзя гладить тайца по голове: руки находятся ниже и имеют более низкий социальный статус, ведь ими выполняется вся грязная работа. Волосы местных жителей всегда идеально чистые — так они проявляют уважение к своему хранителю.

Дотрагиваться до головы ребёнка могут только родители, близкие родственники и монахи. Во всех остальных случаях попытка погладить кого-либо по голове воспринимается как сильное оскорбление. Тайцы верят, что такой жест навлечёт несчастье, так как оскорбит духа Кхван. Даже подушку для сна никогда не используют для других целей. Иначе Кхван может осерчать, привлечь плохие сны или «уронить голову с подушки» — так они объясняют ситуацию, когда утром сво-

дит шею.

Также у тайцев есть важнейшее социальное понятие — «потеря лица». Чтобы потерять лицо, достаточно по-хамски вести себя в обществе, накричать на кого-нибудь, унижить или совершить любой неблагоприятный поступок, о котором узнают окружающие. Если слух о потере лица доходит до семьи, человеку порой проще разорвать связь с родителями, чтобы не позорить их перед соседями.

На иностранцев эти правила в полной мере не распространяются. Если турист по незнанию нарушит запрет, тайцы отнесутся к этому с пониманием. Главное — вежливо относиться к местной культуре, не кричать и не обманывать. Тайцы остро чувствуют искреннее уважение и всегда отвечают на него со всей душой.

Глава 8

Тайский король и Сад роз

В течение недели я изучала Бангкок: каталась на быстрых лодках по каналам, наблюдая контрасты мегаполиса — нищие трущобные районы на фоне фешенебельных высоток. Бродила по буддийским храмам, разуваясь у входа, слушая песнопения, вглядываясь в лица людей и будд, пытаюсь разгадать загадочную тайскую душу.

Проезжая по улицам, невозможно не заметить, насколько тайцы любят своего короля: плакаты с его изображением развешены повсюду. Его Величество Пумипхон Адульдет родился в 1927 году и являлся самым долгоправящим монархом в мире. В Таиланде запрещены оскорбительные высказывания или действия в адрес короля и его семьи. Неуважение к королю карается тюремным заключением сроком от трех до пятнадцати лет.

С одной стороны, «культ личности»: короля нельзя критиковать, изображать в неподобающем виде, его доходы не обсуждаются, король — абсолютный авторитет, восхваляемый тайскими массмедиа. С другой стороны, тайцы искренне его любят.

Король — символ единства страны, её совесть и честь. Он занимается всеми аспектами жизни страны, за исключением политики. Кроме того, правитель поддерживает и защищает

представителей всех религий. Правительство могут любить или ненавидеть, но король пользуется безграничным уважением. Король — сверхчеловек, нравственное мерило и хранитель традиций.

На утро седьмого дня звонит Илья, интересуется, куда я запропастилась. Ребята давно ждут меня в гости, вдобавок я везу национальные гостинцы: водку, сигареты, селёдку в жестяных банках и главное — кипятильник. Несколько раз Илья писал про кипятильник. Не забудь! А лучше два или три! Незаменимый атрибут русского дикаря.

Пхукет звонит, а я трясусь в автобусе с деревянным дном, себя не слыша.

— Ты там где вообще есть? — кричит Илья. — Что за грохот?

— Илья, у меня всё хорошо! Я в Бангкоке, поеду к вам завтра.

Надо было сказать послезавтра. Очень уж хорошо здесь.

Утром, планируя, куда бы отправиться, я прочитала в Интернете: «The Rose Garden» — популярное место в 32 километрах к западу от Бангкока, на берегу реки Тхачин. Я вдохновилась названием. Обширный и ухоженный сад, идеальное место для пикника. В саду есть «Тайская культурная деревня», где проходят представления: народные танцы, тайский бокс, битва на мечах и шоу слонов.

В информационной будке подсказали автобус до Sai Tai Mai (Южного автобусного терминала). Автобус раритетный:

пол деревянный, салон украшен искусственными цветами, возле сиденья водителя лежак, ведро с водой — не хватает только белья на верёвках. Стёкол нет, вентиляторы шпарят, автобус мчит, ревёт, плюётся дымом.

На Южном автовокзале я долго выясняла про сад роз, тайки совещались, что-то писали на листочке. Следующий автобус такой же. Кондуктор, почитав листочек, громко загалдела, потом загалдели все. Рядом бабулька показала жестом: держись меня. Ехали долго, второй автобус меня ушатал. Вдруг бабулька подскочила, схватив меня за руку. На улице толпа мотоциклеров предлагает услуги, бабка на всех шипит. Подвела к одному, усаживает. Наверное, родственник!

«The Rose Garden» живописен! Огромная территория парка, на ней озеро, речка, мостики, сады с экзотическими растениями — всё оформлено, ухожено. Одним словом, рай! На территории много ресторанов.

Правда, в этом раю не то что пикников — практически никого нет! Хожу одна, как Ева до изгнания. Растений множество, каждое дерево и былинка подписаны. То лотосы, то ирисы, то не пойми что. Птицы поют во все голоса, стрекоз чут кузнечики, ящерицы шуршат, белки на ветках. От жары захотелось броситься в пруд. Я заблудилась, набрела на массажный салон. Внутри полумрак, прохладно. Навстречу выпорхнула невероятной красоты фея. Личико кукольное, кожа светлая, на голове кокон. Сложила ладошки, поклонилась, распахнув раскосые глазища. Я оторопела, показала

карту, фея указала дорогу.

По пути увидела, как ведут моих любимых слонов. Тут же нашлись розы, которые вызвали всплеск негодования: «Это всё?» Я на двух автобусах с деревянным дном ехала в такую даль, получила солнечный удар, чтобы увидеть такие розы?! Мелкие, невзрачные, сухие.

— Ради вас не хочется умереть, — сказала я, вспомнив слова Маленького принца. На шоу слонов, к сожалению, опоздала.

Глава 9

Остров Пхукет и польская зубровка

Остров Пхукет наиболее известен нашим соотечественникам. Столицей является городок Пхукет-Таун. Самый большой пляж — Патонг, до которого мне и предстояло добираться. С материком остров соединён дамбой, по которой проходит автотрасса, автобусы ходят с Южного автобусного терминала (Sai Tai Mai).

Ехала с тайцами всю ночь, 13 часов, порядком утомилась. По пути останавливались покушать, водители за мной приглядывали.

Приехали ранним утром. Пхукет-Таун встретил непорядочным таксистом, который уверял, что до Патонга можно доехать только на его такси. Я же знала, что туда ходят мини-автобусы. Дорогу к остановке выясняла у продавцов круглосуточных магазинов.

Всегда всю информацию я узнавала у тайцев, не связанных с туризмом, интуитивно выбирая порядочных, а к таким относятся все местные. Водителей же тук-туков, таксистов и прочих пройдох видно по желанию помочь, заговорить, что-нибудь навязать и по тем трудностям, которые они пророчат, если не воспользуешься их услугами.

Всю дорогу до автобусной остановки большие усатые тараканы шныряли под ногами. Доехав до пляжа, я бросила

рюкзак, не веря, что передо мной Индийский океан.

Развалившись на прохладном песке, я дышала морской свежестью, слушала дыхание прибоя, крики чаек и ждала, когда солнце выкатится из-за гор и придёт Илья. Ребята разместили меня в своём номере на лежаке из матрасов — месте для гостей. Днём на пляже мне показалось, что я попала на черноморский курорт. Патонг — шумный, дорогой и не самый лучший пляж на Пхукете.

Тайцы здесь неплохо говорят по-русски. Учить они его начинают с мата, так как учителя — наши не вполне трезвые соотечественники. Те объясняют, что это очень хорошие слова и все русские обрадуются, их услышав.

Кроме Патонга на Пхукете множество прекрасных пляжей, из которых мне удалось побывать на Три-Транге.

Илья зарегистрирован на сайте «Каучсёрфинг» (couchsurfing.com) и участвует в размещении гостей со всего мира. Я впервые узнала, что в Интернете есть такой клуб гостеприимства. Люди имеют возможность найти ночлег в незнакомой стране бесплатно, предлагая, в свою очередь, путешественникам разместиться у себя.

При мне на заселение приехали весёлые поляки, Кристиан и Изабелла, и расположились на полу в спальнях мешках.

Вечером мы отправились гулять по Бангла-роуд — тусовочной улице Патонга. Толпы народа, тайки в обнимку с фангангами. Гремит музыка, танцовщицы у шестов зазывают в заведения. Всюду палатки с жареной едой, морепродуктами.

На берегу туристы зажигают фонарики и пускают в ночное небо. Стараются аккуратно зажечь: если не взлетит — что-то не так с кармой. Один фонарик упал в море. Те, у кого фонарики взлетели, хлопают в ладоши.

Мы разлеглись на песке, попивая пиво и наблюдая за догорающими в небе огоньками. В гестхаусе продолжили отмечать знакомство. После третьей рюмки польской зубровки я, кажется, стала понимать польский.

Илья и Ирина рассказывают бесконечные байки из своих вольных путешествий. Как, оставаясь без денег, они ночевали под открытым небом, подрабатывали кем придётся: трудились гидами, продавали путёвки русским туристам, снимались в фильмах, преподавали английский. На стене висит карта, утыканная флажками.

Истории их начались с разных точек страны. Оба они тосковали по приключениям, в какой-то момент их накрыло.

Илья — бывший москвич. Когда-то он наткнулся на сайт бэкпекеров. Постепенно отрывался от родной земли: то на пару месяцев, то на полгода. А потом и вовсе уехал бродяжничать. Ира из Ростовской области, работала в банке. Накопив немного денег, тоже поехала в Таиланд. Где-то здесь они и встретились.

Глава 10

Хижина в джунглях и лысые монахи

Несколько дней я вовсю постигала санук, передвигаясь от гестхауса до шезлонга. Ира и Илья уходили на работу, мы же с поляками днём жарились на пляже, а вечером ходили на дискотеки. Солнце невероятно сильное, и, несмотря на солнцезащитные кремы, я всё же обгорела. Благо в аптеках множество противоожоговых кремов.

На море здорово, особенно вечером, когда солнце перестаёт нещадно жарить. Блики на воде, дети прыгают выше головы, влюблённые парочки целуются, кто-то постоянно фотографируется.

Как-то вечером мне захотелось подняться в гору и побродить по тропическому лесу. Выбрав узкую тропинку, я под крики цикад очутилась в джунглях, среди пальм, кустов, огромных деревьев с лианами.

Выше я заметила хижину на сваях: открытая веранда, на заборе оранжевые вещи. Рядом хозпостройки, куры с цыплятами. Лысый монах во дворе подметает листья. Заметив меня, улыбнулся. Я облюбовала огромный камень и уселась наблюдать.

Меня удивило сочетание шумной туристической жизни Патонга с уединением тропического леса и хижиной монаха. Вскоре появился другой монах, увидев меня, подошёл. Он

рассказал, что их четверо и они здесь уже около трёх лет. Я сказала как смогла, что у них красивый дом и красивые птицы. Глядя на кур, он рассмеялся. Спросила, что они делают вечерами. Он ответил: «Подметаем, молимся и меди-тируем». Действительно, что ещё нужно для просветления!

Вечером с Ильёй мы обсудили тему монахов, которых здесь уважают. Буддийские монахи добровольно отказываются от мирской жизни и посвящают себя служению Богу и людям. Но в любой момент могут вернуться в мир.

В Таиланде считается, что каждый мужчина должен пройти школу монашества. Как правило, родители отдают своих детей-подростков в монастырь в среднем на шесть месяцев. Монахи-ученики встречаются часто. С бритыми головами, в ярких оранжевых одеждах и с сумками через плечо — их легко узнать.

Жизнь монахов ограничена множеством запретов. Главные из них: не убивать никакую живность, не воровать, не пить, не прикасаться к женщинам. Недаром, когда в автобусе на Пхукет я по незнанию уселась в кресло с монахом, тайцы заволновались и недоумевающую меня пересадили. Очень трепетно они относятся к монахам.

Ранним утром можно наблюдать, как босые монахи бредут с чашей для сбора подаяний. Есть монахи могут только до полудня и исключительно ту еду, которую собрали. Миряне-буддисты, желающие получить благословение, готовят еду и ждут встречи с монахом. Дождавшись, разуваяются, на-

кладывают еду в чашу для подаяний, становятся на колени, сложив ладони и склонив голову. Монах их благословляет

Еда должна быть специально приготовленной, свежей. По возвращении в храм монахи завтракают. Голодными не остаются, так как тайцы их любят. Остатки еды развозят в приюты или раздают нищим.

Глава 11

Острова Пхи-Пхи: неоновое море и парящие острова
Илья — фанат дороги. Для него бэкпекерская жизнь — что-то вроде психоделического кайфа. Дорога — это состояние души, повторяет Илья, и лучший способ расширения сознания. Вдвоём с Ирой они тут же составили мне маршрут, чтобы я в короткие сроки объехала всю Азию. Передвигалась бы я автостопом и вписывалась жить бесплатно у их многочисленных друзей. Несмотря на все прелести кочевой жизни, я от этой затеи отказалась, потому что не хотела никуда уезжать.

Мне нравился Таиланд и моя свобода. Я не желала даже на капельку её ограничить прописанными кем-то маршрутами, людьми, вписками на ночлег. Я, словно кошка, хотела идти сама. Я поблагодарила ребят за радушный приём и отправилась на остров Пхи-Пхи. Мне не терпелось остаться одной, к тому же я немного подустала от наших посиделок и глубокомысленных бесед.

В состав архипелага Пхи-Пхи входят два крупных острова — Пхи-Пхи-Дон и Пхи-Пхи-Ле — и десятки мелких островков. Обитаем только Пхи-Пхи-Дон, прославились же острова тем, что на Пхи-Пхи-Ле снимался фильм «Пляж» с Леонардо Ди Каприо.

Солнечным утром наш паром стремительно и плавно раз-

двигал океанскую гладь. Я гуляла по палубе с плеером в ушах: волны качались под музыку, ветер путался в волосах, брызгался водой. Вскоре начались живописные острова, словно висящие в воздухе, как в фильме «Аватар». Красоту этих мест сложно выразить словами. Отвесные каменные горы, увитые буйной растительностью, торчат из неоновобирюзового моря. На пляжах удивительный белый песок. Хочется остаться здесь навсегда, затеряться. Стать бабочкой или цветком.

Начитавшись о дороговизне Пхи-Пхи-Дона, я решила забраться повыше и в глушь. Любуясь побережьем, я не заметила, как дорога завернула в лес, где цикады, пальмы и ни души. Я продолжила путь в надежде выйти на какой-нибудь пляж.

Появилась лачуга с минеральной водой. В гамаке дремал таец. Удивился, что я русская, одна и забралась в такую даль.

Вскоре дорога перешла в узкий крутой спуск среди непроходимых джунглей — со ступеньками из глины, камней, корней деревьев. Цепляясь за ветки, я прокляла содержимое рюкзака, выкинув две кофты.

Наконец я вышла на небольшой райский пляж с белым песком, неоновой водой и домиками в ряд. Услышав цену домика в 1000 бат, возмутилась и чуть было не повернула обратно. Тайцы тут же обнаружили домик за 500. При регистрации таец посмеялся, что я очень сильная, показав на карте, какой длинный путь прошла с рюкзаком.

Мой домик — из фанеры. Внутри кровать, вентилятор, колпак от mosкитов, крыша из листьев и соломы. Не успела войти, как обрушился ливень.

После дождя похолодало, море приобрело металлический оттенок. Начался отлив, ветер нанёс на берег листья и ветки. Пробовала купаться, замёрзла. Подразнила краба: он сидел в воде и целился в меня клешнями. Когда же отвернулась, щипнул за ногу. Отомстил.

Вечером я обошла пляж, с обеих сторон окружённый непроходимыми джунглями, заварила кофе, расположилась на лежаке на берегу. Прохладный ветер освежал утомлённую от зноя кожу. Из кафе доносилась лирическая музыка.

Стемнело. Большие плетёные фонари с абажурами из лоскутов покачивались на деревьях. Запели цикады, на чёрном небе проступили резкие очертания пальм, полная луна и серебристые звёзды.

В какое-то мгновение я осознала, что вокруг меня нет ничего из прошлой жизни, за что я могла бы зацепиться. Горы, море, деревья, люди, еда — всё новое. Всё как будто из сна.

Я была рада одиночеству и своим мыслям. Если рядом не было русских, я находилась в изоляции, предоставленная своим наблюдениям.

Ночью ветер усилился, мой фанерный домик трясся, подпрыгивал и, казалось, готовился к полёту. Я законопатила окно полотенцем, завернувшись в одеяло, как в кокон.

Глава 12

Гламурный Пхи-Пхи-Дон и оладушки из кокоса

Утром, выглянув в окно, я изумилась райской красоте пляжа. Погода отменная, штиль. Море настолько свежее и неестественно яркое, как глаза ребёнка в цветных контактных линзах. Ночью был прилив, волны хлещут рядом с крыльцом. Пробежав на цыпочках несколько шагов, я погрузилась в бирюзовую прохладу.

Накупавшись, расположилась на лежаке. По берегу бегают крабы. Это очень шустрые и пугливые создания. Большие и маленькие носятся, устраивая потасовки. Чуть топнешь ногой — теряются в песке.

Вдруг как по команде все крабы принялись рыть ямы. Загребают клешнями песок и относят в сторону. Появилось множество песчаных горок.

К вечеру я решила вернуться к людям и купить экскурсию на знаменитый остров Пхи-Пхи-Ле. Сняла комнату за 500 бат на пляже Ло-Далам (Loh Dalum Bay). Гуляя по улицам, я заметила на острове много кошек. Тайцы уважительно к ним относятся, как и вообще к животным.

Пхи-Пхи-Дон — красивый и раскрученный остров. У меня появилось ощущение, что это не Таиланд, а американский курорт. Всюду плакаты с Леонардо Ди Каприо, молодёжь с лицами Леонардо Ди Каприо. Гамбургер и пиццу легче ку-

пить, чем тайскую еду. Цены высокие.

Единственный дешёвый деликатес, который я обнаружила, — оладушки из кокоса. Стоят 10 бат. Наверное, потому что сырьё растёт тут же. Вкус нежный, как если поджарить начинку «Баунти».

Вечером на море отлив, и там, где я купалась, парни играют в футбол. Стемнело, во всех кафе играет музыка, тайцы зажгли факелы и воткнули их вдоль берега. Ночная жизнь Пхи-Пхи-Дона шумная. Молодёжь отрывается на всю катушку.

На следующий день я отправилась на экскурсию к острову Пхи-Пхи-Ле. В лодке интернациональная компания: американцы, итальянцы, англичане и я. Немного отплыли, тайцы сказали, что здесь можно увидеть акул. Все надели ласты, маски и плюхнулись в воду. Акул, конечно, не увидели, вместо них — много разноцветных рыбин. Подводный мир разнообразный и красочный, как диснеевский мультфильм. Тайцы кидали хлеб, рыбы собирались в кучу. Поныряв в разных местах, поехали на обед.

Дальше был пляж Манки-Бич, где голодные макаки выпрашивают у туристов еду. Обезьян угощали фантой и печеньем. Две на моих глазах подрались за пачку чипсов. Есть мамы с детёнышами на животах.

После поплыли на остров Пхи-Пхи-Ле красоты небывалой. Правда, туристов было слишком много. Тишину нарушали американцы со своим футболом. На пляже группирова-

ются и давай швырять друг в друга продолговатый мяч. С озверевшими физиономиями, не замечая, что кто-то рядом спит на солнце. Похожи на макак с Манки-Бич, только эти в разноцветных плавках и кепках.

Несмотря на красоту, за три дня этот шумный и гламурный остров меня утомил, и я решила перебраться в Краби.

Глава 13

Краби-Таун и уединённый Ко-Джам

Краби-Таун — небольшой провинциальный городок. Я расположилась в симпатичном и недорогом гестхаусе «7» за 200 бат. В самом городе делать нечего, туристы отсюда едут на пляжи и в заповедники. За пару дней я объехала город на велосипеде, раздумывая, куда ехать дальше.

Здесь тихо, спокойно, живописно, много зелени и дёшево. Как-то вечером я набрела на ночной рынок, где чего только нет! Тайцы вырезают цветы из мыла, рисуют картины, плетут всевозможные фенечки, вышивают, что-то собирают из бусинок и листьев.

Еды огромный ассортимент. Я наелась мясных шариков и квадратиков на палочке, печенек с фруктовой начинкой. Высматривая, что бы ещё съесть, вдруг почувствовала, что кто-то сзади закрыл мне глаза. Оборачиваюсь — поляки Кристиан и Изабелла! Весёлые, вернулись с острова Ко-Джам, но чувуют непонятно где, вроде в тайской семье. Попробовала у Кристиана жареного морского гада с щупальцами. Гад оказался отвратительным.

Поляки надоумили меня ехать на остров Ко-Джам, описывая, насколько там замечательно, тишина и ни одной дискотеки. Вечером я заикнулась хозяйке гестхауса про остров, и она тут же предложила купить у неё билет.

Утром я собрала рюкзак и загрузилась в машинку вместе с двумя девочками из Финляндии. Далее мы пересели на катер. Всю дорогу тайцы окучивали народ, предлагая свои бунгало. Я прикинулась глухонемой.

Неожиданностью для меня оказалось то, что катер не заплывает на Ко-Джам. Останавливается рядом, подъезжают деревянные длиннохвостые лодки и развозят по пляжам. Так как я не знала, где мой пляж, поплыла вместе с финками.

На берегу финки пошли куда-то вправо, искать друга. Я подошла к ближайшим домикам «New Bungalow». Регистрация в ресторанчике, хозяева — тайская семья во главе с необъятно толстой, сердитой тайкой.

Вокруг множество домиков, я выбрала самый дешёвый за 200 бат с удобствами снаружи. Маленький домик из плетёного бамбука с крышей из пальмовых листьев. Внутри кровать и антимоскитная сетка. Окна закрыты ставнями, стёкол нет, электричества тоже. Сквозь многочисленные щели в стенах пробивается солнечный свет, создавая волшебный антураж.

Возле берега есть домики на деревьях. К ним ведут лесенки. Позднее в одном поселилась парочка. Можно жить как Маугли.

На ресепшене на мои попытки раздобыть карту острова толстая тайка отправила меня в деревню, которая в десяти минутах ходьбы. По пути дорогу мне перешёл зелёный варан, а белоснежная кошка ловила змейку, которая тут же шмыгнула в кусты.

Деревня умилила: длинная улица, вдоль которой множество кафешек и ларьков с разной утварью. Есть школа, футбольная площадка, медпункт. Всюду развешены клетки с поющими птичками и белками.

Местное развлечение — детский футбол на стадионе. Вечером народ собирается и смотрит, как малышня гоняет мяч. Тут же рядом пасутся коровы.

Такси — это трёхколёсный мотоцикл с надписью TAXI. Вместо люльки — деревянное дно и скамеечка.

Красота здесь сдержанная. Нет того «Баунти», что на Пхи-Пхи. Песок обычный, вперемешку с мелким ракушечником. Вода зеленоватого цвета на солнце.

Туристов мало: ни дискотек, ни баров, в десять часов в ресторанчиках никого. В одиннадцать электричество отключается. Ночами влюблённые парочки с фонариками прочёсывают длинные пустынные пляжи.

Глава 14

Остров детской мечты

Этот остров стал для меня тем местом, до которого так хотелось доплыть в детстве. Где можно целый день купаться до одурения, лазить по окрестностям, срывать бананы с пальмы, ковырять палкой термитник, разглядывать гнёзда птиц, выкладывать на песке сердечки из ракушек и петь на пустынном пляже, раскинувшись звездой.

В один из дней я арендовала велосипед и решила объехать весь остров. Поперёк я перешла его пешком, а вдоль он растягивается на 60 километров. По дороге в деревню я нашла зелёный кокос и спрятала трофей в сумку.

Ехала долго по лесу, через плантации гевей, маленькие деревушки. Пережидала дождь под навесом в заброшенной хижине.

Тяжёлый кокос оттягивал сумку, и я решила с ним разделаться. Но как? Ножа нет. Увидев бетонный столб с торчащими железными штырями, попыталась проковырять в кокосе дырку. Дело оказалось непростым. Войдя в азарт, озверело била орехом об столб. Увидела пару удивлённых тайских глаз из-за угла. Наверное, со стороны выглядела как коренной житель Манки-Бич. Измазавшись по уши, проколупала-таки в орехе дырку, вставила трубочку и — о боги! — живительная влага. Это был самый вкусный кокос в моей жизни.

ни! Выдула залпом с чувством глубокого удовлетворения.

Вокруг куча непонятных фруктов, бананы — правда, зелёные. Еду: пальмовая рощица и, Мать Божья, обезьяны! На пальмах висят, маленькие и побольше, завидев меня — улепётывают, из-за листьев поглядывают. Минут десять на них смотрела. Тайцы проезжают, улыбаются. Целое поселение макак. Ещё мне встретились две ярко-синие птички.

Тайцы радовались, завидев меня, кричали «Hello!», махали руками. Я наблюдала их деревенский быт, видела, как тачка с мужем мыли малюсенького ребятёнка в тазу.

В итоге я доехала до противоположного конца острова, сделала крюк — и вот он, тупиковый пляж. Припарковалась возле таблички «Parking», болтающейся на пальме. Посидела в кафе, сверилась с картой, выпила ананасовый шейк.

Туристы здесь очень милые, это чувствуется по взглядам, улыбкам. Наверняка можно было бы с кем-то разговориться, но со своим корявым английским упрямо молчу.

Вечером я встречала закат, необыкновенно красочный и торжественный. Раскачивалась на верёвочных качелях. Наверное, в прошлой жизни я была макакой. Укладываюсь на спину, отталкиваюсь ногой от дерева — и полетела. Сквозь ветки деревьев мелькают луна и тяжёлые звёзды.

Я подружилась с белой кошкой. У неё ошейник и маленький бубенчик. Игривая, сначала она охотилась на всякий шорох. Потом я заманила её на качели, она мурлыкала песенки, и мы играли в кошачьи игры.

Глава 15

Соседи на Ко-Джаме и безумный хор лягушек

У меня смешные соседи. В домике напротив обосновался француз — плотный, с пузиком, всегда на позитиве. Английский тоже знает плохо, всё время извиняется. Утром наблюдала, как он гонялся за крабом. Не догнал.

Слева — йог из Англии. Худой как велосипед. Питается фруктами, утром и вечером сидит на берегу в причудливых позах. Подолгу плавает и читает прессу на веранде. Принимая душ, всегда поёт. Поёт только в присутствии слушателей. Я проверяла: подкрадывалась на цыпочках — тишина. Как только кашляну — запел. Проявляет ко мне интерес, носит русские книги из ресторана. Мне неинтересно читать, я наблюдаю.

Справа от меня — шумная влюблённая парочка. Русских никого даже близко.

Мои будни на Ко-Джаме заключаются в том, что днём я купаюсь, прочёсываю окрестности, много и вкусно ем, а вечером сижу в нашем ресторане или раскачиваюсь на верёвочных качелях на берегу моря.

На четвёртый день рано утром шумно собралась и уехала влюблённая парочка справа. Я тоже решила перебраться на остров Ко-Ланта, билет на который купила на ресепшн за 400 бат у толстой хозяйки. Корабль завтра в полдень.

До вечера провалялась на пляже. Сначала лежала в тени. Постоянно оказывалась на муравейниках, вскакивая и меняя один муравейник на другой. Пригляделась — муравьи тоже предпочитают тень. Выползла на солнце, растеклась по раскалённому песку. Плавала, собирала ракушки.

Ракушек здесь много, и собирают их все кому не лень. Тайцы плетут из них всевозможные висюльки, украшают кафе и бунгалю. Есть прямо-таки с фанатизмом оформленные ракушечные заведения. Я тоже насобираала две жмени, дополнительно украсив свой домик.

Вечером обрушился ливень, я расположилась на веранде с ананасом. Йог слева читает прессу. Похолодало, дождь шелестит листьями пальм, стекает с крыш домиков, собирается в ручьи на дорожках. Ракушечные висюльки дрожат на ветру. Пахнет свежестью и лесом. Куцые куры снуют по лужам и выковыривают червей. Из-под соседнего домика выскочил зелёный варан. Петух испуганно закудаhtал.

Вдруг из джунглей в плавках и с полотенцем возник сосед напротив. Весь обгоревший, красный, но, как всегда, на позитиве. Развесил плавки и отправился в деревню через лес. Стемнело, с йогом мы отправились ужинать в ресторан. После дождя заголосили все живущие на Ко-Джаме лягушки.

Вечером народ повыволзал из домиков. Спустились и те, что жили на дереве. Тайцы включили лирическую музыку, носятся между столиками. Влюблённая парочка с дерева заказала нечто фантастическое. Это нечто таец вынес на под-

носе: оно горело и шипело. Ребята сфотографировались, задушили пожар и с аппетитом умяли.

Последний вечер на Ко-Джаме прохладный и милый. В десять часов все разошлись. Я пораскачивалась на качелях и побрела к домику. На пути попадался улыбчивый таец-лодочник — он же официант, он же администратор гостиницы. До этого подмигивал, интересовался, как меня зовут, теперь — сколько лет. Ночью не успела я законопатиться под сеткой, слышу: стучит и что-то кричит шёпотом! Говорю: «I sleep». Продолжает кричать. Громко шёпотом закричала: «I sleep and good night!» Потерялся.

Правда, уснуть не удалось: лягушки кричали как обезумевшие. И это не «ква-ква», а трескотня, как у сувенирных деревянных. Некоторые кричали как киты. Всё это смешивалось в безумный галдёж. Только затихнут, одна заголосит — и понеслось. К тому же сосед напротив громко зевал, кашлял, тоже не мог уснуть. Я вздрагивала, будто он зевает мне в ухо. Комары проникли под сетку, искусали. Облилась антикомариным спреем, чуть не задохнулась.

Забрезжил рассвет, запели петухи, и только рассвело, как лягухи замолчали. Все — как по команде. Тут бы поспать. Но ровно через полминуты заголосили цикады. Ну и ночка! Сосед открыл дверь, вышел на улицу, зевает ещё громче. Зашуршал: наверное, опять гоняется за крабом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.